ПѢСНИ о ВОЙНѢ

и

ЛИРИКА.

З. З.

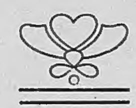

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго Военнаго Округа.
Остоженка, д. Военнаго Вѣдомства.
1914.

ПѢСНИ о ВОЙНѢ

и

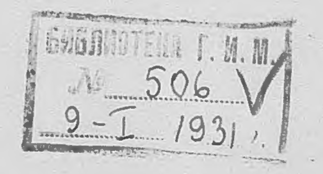
ЛИРИКА.

З. З.

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго Военнаго Округа.
Остоженка, д. Военнаго Вѣдомства.
1914.

ПѢСНИ о ВОЙНѢ.

„Помолитесь за насъ!“

„Помолитесь за насъ!“—Эта пѣсня
Отъѣзжающихъ нашихъ бойцовъ
Во всю ширь нашей родины льется,
Слышитъ откликъ со всѣхъ, всѣхъ концовъ.
Вся великая Русь внемлетъ пѣснѣ,
Слезно молится каждый изъ насъ,
Чтобъ скорѣе гроза миновала,
Ожидаемый пробилъ нашъ часъ,—
Часъ великой свободы славянства,—
Чтобъ почувствовать вся Русь могла,
Что забилась она однимъ сердцемъ,
И въ побѣдѣ она миръ нашла.

Осень.

То ты золотомъ червоннымъ
Лѣсъ угрюмый уберешь,
То ты въ золото деревьевъ
Пурпуръ солнышка вплетешь.

Краской розы,—нѣжной розы,—
Ты ласкаешь листъ сухой
И лиловою парчею
Украшаешь садъ порой.

Осень! Нынѣ—лѣсъ кровавый
Въ жемчугахъ пролитыхъ слезъ.
Улетай скорѣе, осень!
Намъ побѣду дастъ морозъ.

Передъ боемъ.

На моряхъ огни не дышатъ;
Маяки повсюду спятъ;
На испуганныя воды
Звѣзды крупныя глядятъ.

Крейсера и броненосцы—
Великаны въ тишинѣ...
Миноносцы отдаются
Ихъ ласкающей волнѣ...

Страшны пушки!—жадной пастью
Поглотить врага хотятъ,
А на нихъ, какъ и на воды,
Звѣзды яркія глядятъ...

Спокойствіе Парижа.

(По письму Жана Ришпэна).

Парижъ и остался Парижемъ.
Хоть обликъ его и не тотъ,
Но съ внутренней жизнью знакомый
Его неизмѣннымъ найдетъ.

Лампьоны полей Елисейскихъ
Смѣнилися сказкой луны,
А кресла салоновъ гостями
Подъ куполомъ неба полны.

Собравшихся группъ полушопотъ
О важномъ моментѣ твердитъ,
И вѣрой глубокой въ побѣду
Тамъ каждаго сердце горитъ.

Не только спокойствіемъ дышитъ
Намѣченный жертвою градъ,—
Залитыя солнцемъ лужайки
О мирѣ сердецъ говорятъ.

Кто скажетъ, что люди бѣжали,
Найдя на лужайкѣ пріютъ...
И тамъ они, сильные духомъ,
Внѣ дома покой берегутъ.

„Люблю я поспать на свободѣ“,—
Средь бѣглыхъ тотъ фермеръ шутилъ,
Что, вѣрно, при бѣгствѣ немало
Лишеній и бѣдъ пережилъ...

Послѣднее письмо.

„Дорогая Таня, въ госпиталѣ я.
Еле живъ... восьмого ранили меня.
Можешь, вышли денегъ въ штабъ мнѣ полевой.
До свиданья, Таня! - Мужъ извѣстный твой".
А вверху открытка надпись бережетъ:
Надзиратель пишетъ день конца и годъ.
— Умеръ черезъ два дня нашъ швейцаръ
отъ ранъ.
Честный, добрый, трезвый
Былъ всегда Иванъ.
Помню, онъ прощался: слезъ не показалъ,
Съ вѣрою въ побѣду близкихъ покидалъ.

Памятникъ побѣды въ Берлинѣ.

Богиня побѣды въ тревогѣ,
Трепещетъ подъ ней пьедесталъ:
Вѣдь Франціи тѣнь на порогѣ,
Возмездья часъ жданный насталъ.

Довольно Богиня въ неволѣ
Теряла свой блескъ золотой!
„Впередъ! За Богиней! —гулъ въ полѣ,—
Тевтоновъ—злодѣевъ долой!!“

Въ лазаретѣ.

Семнадцать ихъ, односельчанъ,
Прибыло въ лазаретъ.
Подъ Львовомъ ранены они,
У всѣхъ одинъ отвѣтъ:
„Рука прострѣлена, нога,—
Не дюже пострадали.
Когда мы гнались за врагомъ,—
Въ огонь мы и попали“.
Съ Кавказа всѣ они, хохлы,
Ставрополь вспоминаютъ.
Вблизи его въ селѣ родномъ
Ихъ семьи ожидаютъ.
„Пишите, какъ васъ Богъ хранитъ,
Убрали ль хлѣбъ съ полей?“
Мнѣ диктовалъ одинъ хохолъ
Письмо женѣ своей.
„Москву охота повидать,—
Сказалъ другой солдатъ,
Крестовъ въ ней много золотыхъ —
Мнѣ сказывалъ мой братъ!

Онъ въ гренадеры сдаденъ былъ,
Москву въ селѣ хвалилъ".
„А гдѣ твой братъ?"—спросила я.
Солдатикъ закурилъ...
„Богъ вѣсть, гдѣ онъ... недѣли три
Изъ дома писемъ нѣтъ".
„О, Русь святая!"—я шепчу,
Глядя на лазаретъ.

Нашъ казакъ.

Что за прелесть нашъ удалый,
Разбитной казакъ!
Сколько разъ онъ убѣждался,
Что тевтонъ... дуракъ...

Ликованье въ вражьемъ станѣ:
Пойманъ казачокъ...
А онъ съ нѣмцемъ сѣлъ на лошадь...
„Гикъ!“—и на утекъ...

Вотъ разъѣздъ кавалерiйскiй...—
Мало казаковъ...
Что тутъ дѣлать? — Шмыгъ подъ брюхо
Вѣрныхъ скакуновъ.

А когда на лошадь льстится
Фридрихъ: Трахъ! Трахъ! Трахъ!
И опять нашъ врагъ остался
Въ круглыхъ дуракахъ...

* * *

Въ нашемъ мірѣ подъ лазурью
Солнцемъ дышащихъ небесъ,
Гдѣ нашъ слухъ, нашъ взоръ плѣняютъ
Сказкой нива, лугъ и лѣсъ...

Въ нашемъ мірѣ водъ безбрежныхъ,—
Океановъ и морей,—
Сколько слезъ пролито нами,
Слезъ безпомощныхъ людей!

Слезы лились, будутъ литься,
Но такихъ потоковъ слезъ
Врядъ ли міръ когда увидитъ,
Что злодѣй-тевтонъ принесъ.

ЛИРИКА.

* * *

Распусти завѣтный парусъ
Надъ челномъ мечты твоей
И лети въ лазурь, и плавай
Въ тишинѣ ея огней.

Если звѣздочку задѣнешь,
Пригласи ее въ челнокъ,
Въ блѣдно—розовый изъ дымокъ
Облеки ее вѣнокъ.

Лунный лучъ пусть будетъ гостемъ,
И ему ты дай пріютъ.
Пусть огни какъ можно ярче
Челнъ мечты твоей зажгутъ.

Загорится челнъ, какъ солнце,—
Опускайся внизъ скорѣй
И тепломъ огней небесныхъ
Землю пѣснями согрѣй.

Два колокола.

Ударилъ колоколъ... и сердце встрепенулось.
То—эхо прошлаго, то—звонъ угасшихъ дней.
Весна... заря горитъ, и я уже проснулась
И слышу пѣнье птицъ и перезвонъ церквей.

Ударитъ колоколъ... и сердце не проснется.
И отзвукъ прошлыхъ дней замретъ, какъ
грустный звонъ.
Моя весна съ весной грядущею сольется,
И надъ холмомъ моимъ заплачетъ небосклонъ...

* * *

Когда искрой любви мое сердце зажгутъ,—
Разгорится оно, запылаетъ огнемъ,
Проситъ ласки того, кѣмъ оно зажжено...
А виновникъ огня... позабылъ ужъ о немъ...

И заплачетъ душа, и ей отклика нѣтъ...
Смотришь, искра любви снова сердце зажжетъ,
Но и этотъ разсвѣтъ догораетъ въ слезахъ,
И участья никто и ему не несетъ...

Воспоминаніе.

Вотъ наша елка... вотъ она
Въ сочельникъ предо мною.
Вся въ блесткахъ, какъ она стройна
Подъ бѣлою чадрою...

Орѣшки золотятъ ее...
Къ нимъ херувимъ стремится...
Вотъ сѣрый зайчикъ... вотъ ружье...
Вотъ кошечка... лисица...

Какъ елочка горитъ свѣтло!
Черезъ алмазъ окошка
Глядитъ лохматый дѣдъ въ стекло:
„Дай погляжу немножко".

Погасла елочка... въ вѣтвяхъ
Морозъ дѣдъ шевелится...
Мелькаютъ звѣзды въ небесахъ,
И сладко, сладко спится.

Мы—одни... вдвоемъ...

Зажигаютъ склоны горъ
Свѣтляковъ огни...
Зажигаешь ты мой взоръ...
Мы съ тобой—одни...

Мы—одни... съ тобой вдвоемъ
Въ горной тишинѣ...
Дорогой, давай споемъ
Пѣсенку веснѣ...

— Нѣтъ, не такъ! Не то поешь...
Ближе, ближе сядь...
Волоса твои, какъ рожь,—
Золотится прядь...

Ты умолкъ... ты загрустилъ...
Мы—одни... вдвоемъ...
Мѣсяцъ склоны озарилъ...
Дольше не уйдемъ...

Въ вагонѣ.

И послѣ объятій, и слезъ при прощаньи,
Какъ грубо колеса стучатъ...
Свѣчей два огарка въ вагонѣ такъ тускло,
Такъ грустно, уныло горятъ...
Въ купе я одна съ двойникомъ моимъ, тѣнью,
Мы, словно застыли, сидимъ
И такъ безучастно то вправо, то влѣво
На мерзлыя окна глядимъ...
На правомъ стеклѣ разыгрались алмазы,—
Не радуетъ блескъ ихъ огней...
А къ лѣвому мѣсяцъ прильнулъ,—безотраденъ
Холодный свѣтъ лунныхъ лучей...
И кажутся вещи мои мертвецами...
Зачѣмъ?... Для чего?...—я твержу...
— Не знаю... ни въ чемъ не могу розобраться...
И вдаль я печально гляжу...

* * *

... „Не зажигай огня, не зажигай подольше!“...
— Стараюсь это мысленно ему внушить,—
Чтобъ полутьмы таинственность, мечты и грезы,
Согрѣвшія мнѣ душу, дольше сохранить.
Но нѣтъ! — Не поддается онъ моимъ
внушеньямъ...
Онъ къ лампѣ тянется... вотъ вспыхнула она
И разогнала всѣ прекрасныя видѣнья
На мягкомъ креслѣ мнѣ приснившагося сна...
Вотъ онъ встаетъ... Мнѣ позу жаль его на
креслѣ:
Ее нарушилъ онъ,—исчезъ ея задоръ...
И весь онъ сталъ инымъ, весь, весь перемѣнился:
Улыбка не его, и не его сталъ взоръ...

* *
*

Соловей за окномъ свою пѣсню допѣлъ,
А сердца наши пѣть продолжали,
И все громче, сильнѣе въ ту майскую ночь
Струны мощныя сердца звучали.
Смѣло — страстнымъ аккордомъ двухъ
любящихъ душъ
Прозвучать на просторѣ хотѣлось,
Чтобы все, что скорбитъ, что страдаетъ
вокругъ,
Въ этой пѣснѣ любовной пригрѣлось.
Этой пѣсней хотѣлось намъ всѣхъ разбудить,
Чтобъ природа отъ сна пробудилась,
Чтобъ и звѣзды пролили на землю любовь,
И луна чтобъ любовью излилась.
Эта пѣсня,—великая пѣсня любви,—
Насъ съ тобой безъ колецъ обручила
И намъ сирыхъ, несчастныхъ страдальцевъ
земли
Въ эту ночь нашей встрѣчи вручила.

* *
*

Фигуру лѣпите мою?
— Напрасный, вѣрьте, трудъ:
Ни глина, гипсъ, ни желтый воскъ
Меня вамъ не дадутъ...

И затерялся въ пѣсняхъ слѣдъ
Души моей мятежной,
И не найдете вы меня
Въ моеѣ мечтѣ безбрежной...

И голосъ мой—пустой лишь звукъ...
Меня въ немъ не ищите...
Разбейте жалкій слѣпокъ мой
И больше не лѣпите...

*
*

Ухожу отъ тебя... Оглянуться боюсь,
Что я снова къ тебѣ на страданье вернусь.
Шагъ назадъ... Нѣтъ, впередъ, безъ оглядки впередъ!
Слышу, кто то меня на свиданье зоветъ...
— Чу!... — фіалки проснулись и въ поле зовутъ.
Я бѣгу, я лечу!—онѣ отдыхъ дадутъ...

Памяти Н. Львовой.

Я видѣла ее во снѣ:
Она изъ гроба встала,
Въ нарядѣ бѣломъ и фатѣ
Она меня ласкала.
Когда она пришла ко мнѣ,—
Кораллъ зари привѣтомъ
Черезъ открытое окно
Зажегъ ей очи свѣтомъ...
И мраморъ рукъ ея, ланитъ
Печать утратилъ тлѣнья,
Рубинъ разсѣялъ на челѣ
Былыя всѣ мученья.
Она была нѣма... уста
Заговорить пытались...
Я бросилась въ объятья къ ней,—
Мы обѣ разрыдались.
Мы сокрушались вмѣстѣ съ ней,
Что къ жизни нѣтъ возврата,
Что, погребенная она,
Навѣкъ могилой взята...

Изъ воспоминаній.

Мы рядомъ сидѣли въ тотъ вечеръ.
Любовь такъ была далека,
Ее замѣнила сѣдая,
Томившая души, тоска.
Тоска поползла и на мебель:
На красные кресла, диванъ...
Она доползла до камина,
Легла на него и экранъ...
Рояль тоска скрыла... не звалъ онъ
Въ тотъ міръ и загадокъ, и грезъ,
Гдѣ въ пѣснѣ два сердца, сливаясь,
Любовь воспѣваютъ средь розъ,
Рождающихъ съ каждымъ мгновеньемъ
Все новый цвѣточекъ—мечту,
Рождающихъ въ небѣ далекомъ
Лазури и звѣздъ красоту...

Нѣтъ, мнѣ не надо ни солнца,
ни яркой лазури.
Мирра Лохвицкая.

Не надо солнца мнѣ: оно обманетъ снова,
Мнѣ не вернетъ оно сіяніемъ былого.
Передъ грозой оно лучами ослѣпляетъ.
Пусть лучше сумерки, и сердце не страдаетъ.

Не надо мнѣ лазури:
Нельзя ей довѣрять.
Ярка, но мимолетна,
Ея къ намъ благодать...
Она предвѣстникъ тоже
Житейскихъ сѣрыхъ тучъ,
Къ страданьямъ равнодушна,
Какъ солнца жгучій лучъ.

* *
*

Любовь,—какъ макъ пунцовый яркій...
Любовь,—какъ день іюльскій жаркій...
Любовь,—какъ стая журавлей,
Летитъ надъ лономъ водъ морей...

Любовь наивна, какъ ребенокъ...
Коварна, льстива, какъ котенокъ...
Любовь, любовь!—тебя узнать,—
Навѣкъ покой свой потерять...

* *
*

Струны сердца у насъ съ тобой общія,
Наши музы, какъ сестры, близки,
Но скажи мнѣ, повѣдай безхитростно,
Отчего мы съ тобой далеки?

Отчего же со мной не подѣлишься
Ты уютомъ вечернихъ огней
Кабинета съ старинною мебелью,
Библіотекой рѣдкой твоей?

За душистой китайскою влагою
Подъ шумокъ самовара... вдвоемъ
Отдались бы съ тобою мы прошлому,
Отдохнули душою въ быломъ.

Съ нами были бъ отцы наши, матери:
Воскресили бъ мы-ихъ въ тихій часъ.
Много бъ общаго въ жизни, поэзіи
Развернулось, другъ добрый, для насъ.

А она, эта дѣвушка скромная,
Что приходитъ тебя навѣстить,
Что даетъ она сердцу звучащему,
Въ душу что она можетъ пролить?!..

Чужды ей настроенья и образы,
Чуждо все, чѣмъ поэты живутъ...
А мнѣ близкой, душѣ тебѣ родственной,
Не даришь никогда ты пріютъ...

И тамъ, гдѣ было больше слезъ,
Гдѣ погребалось счастье наше,
Тамъ выростаютъ вѣтки розъ
Еще плѣнительнѣй и краше.
Е. Костко.

Въ нашемъ счастьѣ расцвѣтали предъ окномъ
цвѣты...
Звѣзды въ полночь золотили бѣлыхъ розъ
кусты...
Въ нашемъ счастьѣ стоны вьюги замерли
вдали...
Нашимъ счастьемъ въ многихъ душахъ мы
любовь зажгли.
А, бывало, лились слезы въ полночь предъ
окномъ:
Я грустила, что не буду счастлива вдвоемъ...

* * *

...У моря ты... и ты—со мною:
Ты съ каждымъ вздохомъ вѣтерка
Летишь ко мнѣ, мой другъ, мечтою,
Мнѣ шлешь привѣтъ издалека
Съ морскою гладью малахита
И блѣдно-нѣжной краской розъ,
Съ игрой топаза, хризолита,
Мерцаньемъ вѣточекъ мимозъ...
Я въ краскахъ таю... Стѣны клѣтки
Громады каменной летятъ...
Съ тобой мы въ золотѣ бесѣдки,
Въ зарѣ предъ нами волны спятъ...

Бирюза.

(Посвящается В. С. Б.).

Бирюза надо мной: бирюзою
Разукрасился весь небосклонъ...
Бирюза на поляхъ предо мною,
Незабудки со всѣхъ, всѣхъ сторонъ...

Бирюзой твои грезы объяты...
Бирюзою повиты глаза...
Бирюзой наши души богаты...
Какъ прекрасно!—вокругъ бирюза...

*
* *

Скройтесь, звѣзды! Страшно мнѣ!
Жутко!—не сіяйте,
Неизвѣстностью міровъ
Взоръ мой не пугайте!

Скройтесь, звѣзды! Грустно мнѣ...
Можетъ быть, съ землею
Разлучите вы меня,
Овладѣвъ душою...

* * *

Побудь со мной!—Весна, врываясь
Ко мнѣ въ окно, меня томитъ...
Послушай, добрый, какъ березка
Листвою грустно шелеститъ...

Сирень сегодня распустилась,
Цвѣтетъ акація въ саду...
Воскресло все, благоухаетъ,
А я... покоя не найду...

Бѣлая ночь.

...Эта бѣлая ночь, какъ покойна она.
Не тревожитъ ничѣмъ она мирнаго сна
Перламутра небесъ... Охраняя покой,
Тихо дышитъ она надъ широкой Двиной...

Эта бѣлая ночь далеко... предо мной
Воцарилася темная ночь надъ Москвой.
У окна я стою: какъ тревожно спитъ садъ,
Какъ тоскливо съ небесъ огоньки звѣздъ
глядятъ...

* * *

Вѣрь, какъ вѣришь, что и завтра,
Какъ сегодня, вспыхнетъ день...
Вѣрь, какъ вѣришь, что не можетъ
Потеряться солнца тѣнь...

Вѣрь, какъ вѣришь, что надъ нами
Не земля, а небосклонъ...
— Вѣрь, что пѣснею со мною
Ты навѣки обрученъ...

Вся въ голубомъ.

Я видѣла ее въ послѣдній разъ.
Какъ тяжело она дышала,
Какимъ привѣтомъ полумертвыхъ глазъ
Входящаго она встрѣчала...
Въ будуарѣ на софѣ вся въ голубомъ,—
Нарядѣ голубомъ любимомъ,—
Она весной дышала предъ окномъ,—
Весною городской предъ Крымомъ...
Ея рука, какъ нѣжный стебелекъ,
Ко мнѣ съ подушки протянулась...
Она, сраженный рокомъ злымъ, цвѣтокъ,
Мнѣ грустно, грустно улыбнулась...

Чаша счастья.

Чаша счастья передъ нами, —
До краевъ она полна.
Не оставимъ капли счастья,
Выпьемъ чашу мы до дна
Съ той надеждой, что нектаромъ
Вновь наполнится сосудъ,
И что капли золотыя
Вновь сердца огнемъ зажгутъ.

* * *

Не за себя скорблю, когда неправда
Мнѣ въ грудь меча вонзаетъ сталь, —
Мнѣ моего собрата, человѣка,
— Его, раба неправды,—жаль.

И какъ онъ жалокъ мнѣ, онъ, побѣжденный,
Обезоруженный, нѣмой...
Какъ затерявшійся въ пустынѣ странникъ,
Онъ жаждетъ правды дорогой...

Прерванная сказка.

„Разскажу тебѣ я сказку“.
Няня мнѣ сказала,
Съ головы сняла повязку...
„Что-то сердце сжало“...

Взявъ чулокъ свой, няня сѣла,
Сѣла такъ тревожно...
Въ рукодѣлье спицы вдѣла...
„Вотъ и сказку можно“...

„Какъ доводится во царствѣ,
„Во великомъ государствѣ
„Шибко царь любилъ царицу“...
—Уронила няня спицу...
Помертвѣла... Жизнь порвалась,
И съ ней... сказка оборвалась.

* *
*

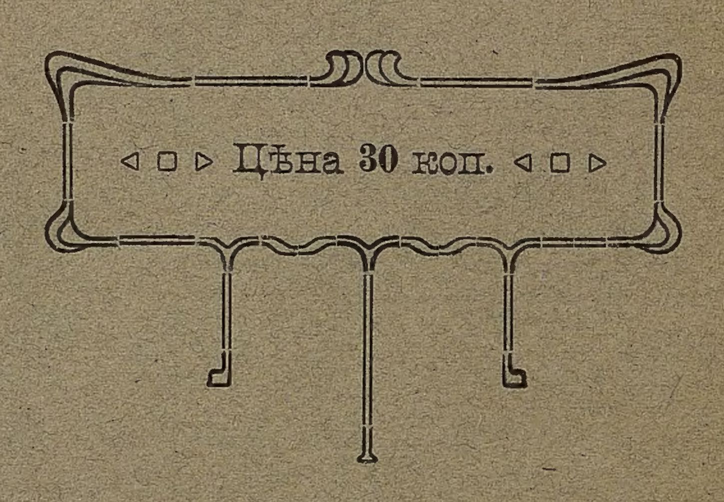
Наша встрѣча мимолетна,
Какъ паденье метеора:
Огонекъ блеснулъ для сердца
И навѣкъ погасъ для взора.
. . . .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПѢСНИ о ВОИНѢ.

ЛИРИКА.

Цѣна 30 коп.